

Степа Колотун

Комары в тайге - беда большая. Так жалят, так всасываются в тело - сердце вздрагивает, а кровь зудит и бросается по венам в бега. Ни керосин, ни бензин, ни разные иные мази не помогают. Впиваются - и доводят человека до полной животной ярости или до полного рахитного изнеможения.

И только Степа Колотун, один, пожалуй, на весь Урал, чувствовал себя в тайге спокойно и хорошо, как дома. Но не сразу. В первый день на Степу комары набрасывались. А позже - летели от него, будто их самих жалят, кусают, рвут и обещают уничтожить.

Степа Колотун - человек лет сорока. Русский, дородный, тяжелый. Живот у Степы - бубен. Тугой, резиновый. Степа Колотун любит выпить и крепко закусить. А выпить любит - не экономя. Бутылку - утром. Бутылку - в обед. Бутылку - на ужин. И - ничего. Лишь - розовый и добрый.

Степа Колотун работает конюхом. Лошади ухожены и послушны. Степа не дергает их, не кричит. Вовремя покормит, вовремя к речке направит. Степа понимает природу, подолгу стоит на берегу - трезвый. А, когда хмельной, сильно ударяет ладонями по загорелому животу и глухие африканские звуки, наперегонки, густо катятся по синеве, по древним озерным далям: тук, тук, тук!..

Степа Колотун - шаман. И вообще - интересный мужик. Поел - обязательно соснет часок-другой, а подпил, начинает комаров травить: дремлет, не шевелясь, дремлет, не шевелясь, и молчит в шалаше. Комары глядят на высокий загорелый живот Степы и радуются, мол, вот уж мы сейчас полакомимся, а Степа тоже не дурак, тоже, хоть и якобы дремлет, а на комаров сквозь умный прищур подглядывает и тоже радуется.

Вот самый голодный и самый представительный комар игольчатым тонюсеньким носиком впился в грудь Степы. И - закипела вакханалия. За старшим - все на грудь Степана опускаются, как вертолеты в бою, и давай сосать невинную кровь богатыря. Один десант насытится - поднимается. Насытится - поднимается. И - тут же опускается новый. Степа Колотун терпит. И сквозь умный прищур наблюдает за негодьями, как полководец за врагами. Наблюдает, не выдерживает - подносит себе чарочку осторожно, и опять наблюдает, пока голова Степы, лохматая и огромная, не приникнет нежно к подушке, а очи, синие, синие, как озерная зыбь, не сомкнутся, оказавшись перегруженными зоркостью и непрерывным напряжением. Нервы сдают.

Шумно вскакивая и отряхиваясь от дремоты, Степан Колотун выносит на белой простыне, а отдыхает Степан именно на белой простыне, выносит тысячи погибших комаров - угорают от водки. Некоторые, совершенно ошалелые от градусов, твердо намереваются взлететь, но падают и умирают у ног шамана. Потому гуляние Степы меж золотистых сосен бора или по золотистому пляжу озера - безопасно. Главное комариное войско пало, а выжившие - страшатся и удирают от Степы. Путь перед Степаном Колотуном - чист.

Но не этой историей знаменит Степа. Колотуном его прозвали потому, что оставляя коней на ночь в лугу, Степа делает три круга, как бы огораживая коней от напасти, зверя и прочего зла. Кони фыркают, а Степа идет и стучит по высокому загорелому животу: тук, тук, тук!

Плещет искристой синевою древнее озеро. За древними горами потухает медное грозное солнце. Угрюмые седые скалы погружаются во мглу. Холодная уральская ночь оковывает пространство. И стоит Степан у темной железной воды: тук, тук, тук! И глухие африканские звуки медленно движутся в темноту, движутся в темноту.

И там, где едва, едва мелькнули звезды и затрепетал юный серебряный месяц, там - на спине хребта, туда и сюда, туда и сюда, маячит большая фигура. Маячит. А кто она? Маячит, лишь Степан у темной железной воды примется ударять: тук, тук, тук! Маячит, а Степан не робеет и не торопится...

Местные крестьяне да и приезжие рабочие считают странную фигуру снежным человеком. Поскольку Степа Колотун не бросает зря объедки и прочие остатки от кушаний, а равно распределяет их за полкилометра от шалаша на тропе, фигура

появляется на спине хребта.

Помнит Степа и 1975 год. Сухой, пыльный, панический. За Челябинском пшеница весною вынырнула из почвы, а дождя нет, вынырнула, а на нее каскад солнечного огня, солнечного красного железа, краснее и мертвеннее кыштымских молний - поседали и лохмато закудрявились хлебные колоски.

Утки из озер исчезли. Соловьи охрипли. Иволги скрылись в чашах и приуныли. А серые вороны рассыпались на малые группки и шныряли по деревьям, ища заваливающую пищу, не успевшую скиснуть на коварном и убивающем огне, льющемся остервенело с бело-желтого оловянного неба. Ржавое, оловянное, гнущее небо висело над каменным краем.

В родниках прерывалась вода. Дно затиневалось. Мыши и звери покидали урочища, поляны, наследственные места. Спасались за горами и оврагами, обнаруживая калужины, рукава речек и протоки озер. Речки убавились настолько, что по калужинам люди шагали в галошах и в мелких туфлях. И лишь великие по размерам, древнейшие уральские озера властно серебрились и ходили синими волнами, уставшими от библейской жары.

В Челябинске по народу пронесся азиатский страх: "Кончилась питьевая вода - вымирать начнет город с ночи!..» И за страхом, следом за черным слухом, взревели трактора, бульдозеры, танки, заворочались над озером Увельды ящероподобные экскаваторы. Ударили бомбами динамиты - и озерные родоновые воды хлынули в каналы и трубы.

Берег озера разворотило. Воды шумели и клокотали в проран. Но не суждено им было докатиться до Челябинска: за сотню километров от него воды иссякли и пропали в раскаленной бездне Урала. А цветы и сосны, черемушник и камыши, птицы и рыбы, мыши и звери, люди и духи, на сухом песке очутились. Рты разевают. Озеро в обморок окунулось и до сих пор не очнулось. Вот так!..

А дальше - поворот сибирских рек. А дальше - Чернобыль. А развал СССР? Ну, скажите мне, разве это лишь головотяпство? Разве это лишь аварии? Нет. Снежный человек,

медведь, знает спланированную тайну беды, но у него нет человеческой речи, он не может рассказать нам правду...

Снежный человек? На Урале? И что - на Урале. Но снежного человека нет. Снежный человек есть в легенде, есть он и в воображениях, фантазиях и страхах разных туристов, геологов, лесников, и прочих удивительных талантливостью художества сказителей... Медведь.

Степа Колотун знает: камыш, раненый атомною течью, пламенем смертельным тронутый, погибает, а на второй или третий год вымахивает к лету обильнее тропического бамбука, и цветы Иван-да-Марья гибнут, а потом набираются корнями сил, упругие и высокие, с отменным веселием вырастают и, обнявшись, прижавшись друг к другу, издали грустят о нас, а подсказать опыт свой нам не могут...

* * *

Великое дело - любовь. Из огня выручит. От болезни спасет. Из могилы поднимет. И уведет, закружит, заколдует, зацелует и в мир пустит, сильным и окрыленным: трудись и воюй за собственную долю счастья, да ревнуй ее, уберегшую тебя, и помни. А перед кем склониться медведю? Одинокий и неразговорчивый - мнет осоку у болот, вспугивает уток на озерах, малину смакует по оврагам и к человеку тянется дикими чувствами и таежным рассудком.

Степа Колотун, когда озеро опустеет, орда отдыхающих скроется в автобусах за перевалами и деревнями, канув по большим городам и растворившись, растекшись по квартирным норам, Степа Колотун садится на пень у берега, достает из футляра балалаечку и, расслабив талантливые пальцы, ударяет по струнам. Балалаечка, аккуратная и юная, как десятиклассница, звенит нетреснутым голосом, а Степа Колотун закусочным басом ей, старательной, помогает:

Балалаечка, звени,

Коротай со мною дни,

Много звезд над нами бродит,

Ну а мы с тобой одни.

Там, за озером, медведь,

Он не может песни петь,

Вспоминая о подруге,

Собирается реветь.

Помнит Степа, в конце июля 1957 года они шли, молодые, красивые, по тротуару в Челябинске. Проспект Metallургов звенел трамваями, гудел автомашинами. И по правую и левую сторону рельсовых путей волновались тихо тополя, вея жаром воздуха и светом яркого солнца. Июль на Южном Урале всегда спокойный и знойный.

Помнит Степа и тревогу, охватившую их ни с того, ни с сего: прижалась к нему золотоволосая Светлана, дрожит, слезы на глазах посверкивают. С чего бы? С какой неясной беды или горя?

- Степа, смотри, молнии какие толстые, столбы и столбы телеграфные!.. - И действительно, Степа, озираясь вокруг, заметил, далеко, далеко, над кыштымской яминой, в горах, поднимаются красные бревна, огненные столбы. Поднимаются прямо, без изгибов и трепета, толстые, гладкие, прямые и высокие, раскаленные до красного мерцания. Но мерцание их не живое, а мертвое, глухое, без грома и без ливня, даже ветер умолк. Могильная тишина. Погребальный миг. Свечи храмовые.

Степа покрепче обнял за плечи Свету. И они пошли быстрее и угрюмее. Но быстрота у них не получалась, а торопливость их превращалась в страх, необъяснимый и энергичный. Страх этот пресекал движение ветра, затемнял свет солнца, мутил его, и жестянно потрескивал, поскрипывал в садах и огородах, благоухающих вдоль шоссе, вдоль свободного рабочего проспекта.

Они торопились. Внезапно упала перед ними ночь. Жар сменился прохладой, а прохлада тут же переросла в какой-то непонятный хлесткий холод, режущий лицо и руки, забирающийся под рубашку, душный ледянистою влагой, вызывающей на теле мурашки. Тревога Светы и его тревога резче означились. И утвердились.

И вдруг обвалилась гроза. Шальная, жестокая, бессмысленная и необъятная. Они заскочили в попавшийся подъезд. Света дрожала и плакала: - Не молния это, не дождь это, чувствуешь, Степа?.. - А утром поползли слухи: "В Кыштыме ядерный взрыв бушует. Ядерный взрыв - берегитесь!.."

Сумерки - за вечерней чертой. Лунно. Даже серебристо. Синева посветлела, а тьма сделалась привычной и прозрачной. Шорохи не настораживали, а звуки не пугали. Тишина и серебристая водная гладь усиливали звон балалаечки и печаль человека. Действительно - над Степой Колотуном густо висели теплые уральские звезды. И одетые в легкий туман, сосны казались серебряными, выбегая на высокий скалистый берег и отражаясь в серебряной глубине.

Тихо, тихо. Лишь иногда всплескивали крыльями тяжелые серебряные утки, медленно и устало перелетая от забережья к забережью. И там, едва уловимый, на круче маячил медведь. Задерживался. Слушал. И незаметный - исчезал. Но стоило появиться возле Степы Колотуна золотоволосой женщине, снежный человек приближался, приближался, выбирал перед Степой Колотуном и золотистоволосой гостьей пень или круглый валун, опускался на него и жалобно постанывал. Но золотистоволосая отъездила к Степе - кончился праздник...

Увлеченный звоном балалайки, он слушал и постанывал, когда и струны уже не звенели и голос балалаечника умолкал. Постанывал и постанывал. Золотистоволосая женщина когда-то манила его, помахивая белой косынкой. Белая косынка, особенно темною ночью, напоминала распластанную чайку. Снежный человек заворуженно следил за взмахами, но с места не трогался, соблюдая нормальное для зверя и человека расстояние.

- Степа, - уверяла женщина, - медведь - мутант, у него шея длиннее, чем у немутанта, голова и уши привлекательнее, а лапы, отпечатки на песке, настоящие, человеческие, гармоничнее твоих... Значит, Степа, медведь выкарабкивался из ядерной заразы вместе с людьми, вот и жметя он к нам, не обижая ни нас, ни животных в округе, понял?

- Ядерный, - соглашался охотно Степа Колотун, - и я никого не обижаю!..

- И комары над ним, как над тобою, безнаказанно не вьются! - шутила золотистоволосая.

- Медведь, снежный человек, всегда трезвый, - заключал Степка Колотун, - иначе бы в нем вскипели обиды на людей и он накуролесил бы вдоволь! Люди же испортили ему судьбу?

- Люди, - вздыхала золотистоволосая, - а сторожем ему не устроиться!..

Но Степа Колотун на этот раз один сидел у берега. Звенела балалаечка, тянул горько бас. Мутант не торопился покидать угретый валун. И трудно определить, кому было

здесь вечером более одиноко - снежному человеку или Степе Колотуну, которого комары боятся? Оба - покинутые. Медведь похож на Степу, а Степа Колотун похож на медведя. Медведь появляется на хребте. Смотрит со скалы на Степу благодарно. А может - лошадей сторожит?

Как-то разговорились мы со Степой. Доверчивый и добрый, Степа признался:

- Люди думают да и вы думаете, Степан Колотун каждый день пьет и комаров травит?..

- Не каждый?..

- А где деньги-то, каждый день пить?.. Да и пью-то, сказать, от ядерной заразы удираю!.. Про Чернобыль читал?..

- Читал...

- А на Урале, под Челябинском-то, тридцать годочков назад, похлеще Чернобыля рвануло!.. Трава теперь там вымахала, папоротник, ух!.. Щуки в озерах: то - рыло с туловище, то - туловище с уродливое рыло, ясно?.. Пью, выпиваю, водка ядерную заразу выгоняет... А снежный человек - сирота... Бедный зверь...

Степа взлохматил пятернею русые лесные волосы. Золотые почти. День сиял золотой. Золотился озерный песок. Солнце, жаркое и золотое, пылало над миром. Золотые сосны покачивались над лесною тропою. Четыре цвета в моем краю - темный, синий, серебряный, золотой. И все четыре - прекрасны.

- А снежный человек мутант, ядерный медведь!..

- Как?

- А так, ядерный медведь!.. Ядерная энергия просочилась везде, а на Урале тем паче. Медведь ягоду ест, рыбу ест, и около нас, браконьеров, губителей природы, шляется и соседится. Земля сберегла медведя, а он выше стал, горше стал, ближе обличьем к человеку стал!.. Беда воспитала зверя. И - дети от него расплодились: разбрелись по планете, ведь сколько бомб взорвано, сколько ... и Чернобылей опалено?..

- А вы кто? - спросил я Степана.

- Я зоотехник... Я прячусь от моторов и речей, от хамства прячусь. Сторож я и медведь сторож...

- Сами создали теорию о снежном человеке?

- Нет, та знакомая женщина. Золотистая такая. Лес изучала. Озера изучала. Цветы изучала. Хватила, где-то здесь, ядерного зноя и умерла!.. - Степан, сидя в шалаше, протянул чарку:

- Налей!..

Сколько фабрик, заводов, институтов плело провода, точило детали, чертило схемы полета нашего звездного корабля на Марс? И доньше ученые не разгадали: есть ли, была, будет ли когда на Марсе жизнь. А разве нам не больно чувствовать молчаливую черную смерть рядом, за Кыштымом? Но молчали мы, терпели. Государство молчало, великая страна прятала калек в нищих санаториях и закрытых нищих больницах, гробы во тьме перевозила с погибшими - хоронить.

Сто километров поперек и сто вдоль - гудят версты, и ни одна машина, ни один мотоцикл, ни один велосипед не проедет. Пеше человек не прошагает. Рыбак - не

рыбачь. Охотник - не охоться. Лесоруб - не вскинь топора. А трава по колени в мае, а грибы похрустывают в августе, а земляника и клубника, а малина и вишня, а смородина и крыжовник, но не тронь, не прикасайся: смертью роса нацежена, смертью хвоя липнет.

А куда подевались хутора и деревни? Века же они промышляли, по будильнику умывались и к станкам торопились, на трактора вскакивали и сеяли, молотили, закрома наполняли. Человек углом отчим, зыбкой материнской здоров. И улица детства, взгорки юности, поле зрелости - память его и доля, слава его и утрата. Спорим, а Чернобыль страшнее или Челябинск? О чем спорим? На Марс звездолет нацеливаем, а под подошвами холмики, холмики, бульдозером скрытые...

* * *

Золотоволосая женщина цветы выращивала на обожженной атомом земле, пяточке израненной. Врачевала, горстями слез поливала маки и розы. Маки - заря, взорванная. И розы - взорванная заря. Красный ветер перепархивал от межи до межи, русское страдание плескалось в зенит, а мы на Марсе ищем загинутую цивилизацию. Как внуки нас определяют?

Она, золотоволосая-то, и мертвую пожелала присутствовать среди черной бездны кыштымского взрыва: повелела на взгорке и закопать ее, а крест наказала большущий, большущий над ней возвести, дабы несчастные молились, а счастливые Бога побаивались.

И случается, с одной стороны креста пригорюнится медведь, снежный человек, мутант, а с другой стороны креста пригорюнится Степа Колотун, зоотехник, конюх заядлый. И оба молчат. А о чем и разговаривать им, бобылям осиротелым? Пьяных комаров угощать?

Однажды горюнились они горюнились, медведь, мутант, и Степа Колотун, по разные

стороны большого пронзительного креста, почерневшего и парящего над черным океаном уральской ядерной зоны - над пространством, куда живому существу путь перегороден... Горюнились, и внезапно обнаружил Степа Колотун: медведь плачет. Зверь, мохнатый и необъятный, ревет, как ребенок, на краешке могилки.

Степа привстал и ласково заговаривал медведя: "А че ты, брат, реवेशь, а ее ты не вернешь, а тайгу свою ты не обретешь, сердце сильное надорвешь, а калека - обуза для человека!..» Медведь запрядал ушами, завозился и поник. И, поникший, отряхнулся, обернулся на Степана Колотуна и в бурелом направился. А возле бурелома еще обернулся на Степу, а Степа сам плачет, медведя жалеет.

Медведь покачал башкою - и Степан Колотун покачал башкою. Медведь нечесаный, лохматый - и Степан Колотун нечесаный и лохматый. Оба ревут, уняться не в состоянии. Оба из обыденной колеи природы вышиблены и пущены тосковать о потерянном. Медведь махнул Степе лапой и Степа медведю лапой махнул, еле разошлись, еле совладали с тоскою.

Но следы их лап резко отпечатались на иле и на песке, даже на крепкой уральской траве следы их запечатлелись. И, в мае это произошло, рано, до сверкания зарницы, золотоволосая женщина из могилки воскресла, а за нею белые лилии вспыхивают, шагнет, а за нею голубые васильки кланяются. И так разукрасила место, где они горюнились, где они прощались, утешаясь общим недугом времени.

И сирень забуранилась, и яблони зажуравлились, курлыкают и в небеса просятся: бело на сто верст поперек и на сто верст вдоль бело. А золотоволосая не отдыхает. Ловит на ладонь соловьев, серых и неказистых, подбрасывает и они, красные, красные, взмывают в синеву и звенят оттуда над нами. Слышите их? Видите их? Это - капли крови русской ищут пристанище, гонимые атомным вздохом черной бездны.

Господи, прости нас и обереги нас, природа!.. Мы цветами не напилась, а водкою отравились. Мы к Марсу прикоснулись, а загинувшей планетою убиты: горе ее в нас каплями крови соловьиными звенит.

Встречался я со Степаном редко, но беседы наши доверительно кренились к

философии, к осмыслению живого и мертвого на земле. Но как осмыслить и упорядочить в себе тайну? Тайна в любой биографии, в любом поступке, коли подобный поступок, как лунный свет, возносит и серебрит душу твою...

Степа Колотун, по слухам, не женился на золотистоволосой из-за боязни убить ее атомной заразой. Степа не сомневался - он получил при кыштымской атомной аварии инвалидную дозу. И она, золотистоволосая, считала собственную дозу инвалидной: зачем же им калек родить? Красивые не должны умирать безобразными!

Цветочные и травяные настои не спасли ее. А Степа, опираясь на жуткую русскую водку, не гнется. Весною и летом окапывает могилку, охорашивает. Могилка - рядом, у скалы, где медведь холостой появляется. Степа Колотун не сердится на снежного человека: тому еще тяжелее - люди в скорбного зверя выстрелить способны. Почему медведь без подруги?

Степан Колотун весною и летом дежурит на могилке. Летом алкогольные комары жестоко мешают Степе думать, а холодной осенью Степу пробирает дрожь. Зато зимою - запуржит избушку. Сугробы навалятся на окна. И хрусткие белые снега затормозят ритм его сердца. А вихри, кони и кони, скачут по долинам и холмам - свист и наваждение! Порою приблизится Степану Колотуну - медведь торкается в дверь, но блажь рассеется и лютые вихри ударят крыльями по стеклу.

А выпьет Степа, мягкая круглая песня прикоснется к нему, как ее ладошка:

Позабыт, позаброшен

С молодых юных лет...

Но молодость уже прошумела, молодость - белые кони, вихри крылатые! Вот и уронили они Степану Колотуну в пышную шевелюру широкое седое перо - молнию уронили. Жжет она память Степы: то балалайкой звенит над синими озерами, то седую вьюгой плачет и хохочет, дура, в огороде, как забуянившая чужая старуха...

1991